

УДК 80

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-17-25>

Образ пьяницы в художественной картине мира С. Д. Довлатова (на фоне национальной картины мира): аксиологический аспект интерпретации

Мария Антоновна Савина

*Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,
anivas_m@mail.ru*

Аннотация

Предметом статьи является аксиологический контекст, которым окружен образ пьяницы в произведениях С. Д. Довлатова.

Материалы, использованные в исследовании: тексты С. Д. Довлатова, данные «Русского ассоциативного словаря», фразеологические словари. Применялись следующие методы: контекстуальный анализ, сплошная выборка, анализ художественного текста.

В результате исследования выявлены сходства и отличия в отношении к пьющему человеку, его ключевые признаки в национальной и художественной картине мира, охарактеризовано описание воздействия алкоголя на человека и окружающий мир в произведениях С. Д. Довлатова. Общим в обеих картинах мира можно считать сочувствующее и «фаталистическое» отношение к пьющему человеку, представление о «бесконтрольности» тяги к алкоголю. Отличия заключаются в том, что в текстах С. Д. Довлатова пьющие люди наделяются положительными качествами: внутренней свободой, талантом, благородством (презрением к материальным ценностям). В национальной картине мира сочувствие к алкоголикам спровоцировано представлением о пьянстве как о несчастье, в авторской картине мира оно вызвано пониманием тяжести морально-физического состояния пьющего человека. В русской картине мира чаще встречается негативное отношение к пьющему человеку, например отмечается деградация внешности, вызванная длительным употреблением алкоголя (красноносый), встречаются различные оценочные номинации (гад, свин, алкаш). В произведениях С. Д. Довлатова носителями негативной оценки являются отдельные персонажи, которые при этом не обладают другими положительными качествами. В рамках рассматриваемой художественной картины мира непьющие персонажи представляются чем-то удивительным, таинственным.

Ключевые слова: аксиологический аспект, национальная картина мира, русский язык, Сергей Довлатов, художественная картина мира

Для цитирования: Савина М. А. Образ пьяницы в художественной картине мира С. Д. Довлатова (на фоне национальной картины мира): аксиологический аспект интерпретации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 17–25. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-17-25>

The image of a drunkard in the artistic picture of the world by Sergey Dovlatov (compared to the national picture of the world): axiological aspect of interpretation

Maria A. Savina

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, anivas_m@mail.ru

Abstract

This paper examines the image of a drinking man in the artistic picture of the world by Sergey Dovlatov, compared to the national picture of the world. The goal is to discuss the similarities and differences in the attitude towards a drinking person, the key characteristics of a drinking person in the national and artistic picture of the world.

We perform this study on the materials of the Russian Associative Dictionary (with the use of phraseology materials) and the texts by Sergey Dovlatov (using the National Corpus of the Russian language). We employ the methods of contextual analysis and of studying the national and artistic picture of the world.

In both pictures of the world there is sympathy and an idea of the “fate” of a drinking person. The bearers of the negative assessment prevailing in the national picture of the world, in the texts by Sergey Dovlatov, are individual characters who are not “positive”, non-drinking characters seem to be something amazing, mysterious. We characterize the description of the effect of alcohol on a person and the surrounding world in the works Sergey Dovlatov. We counted the episodes of alcohol consumption and the number of characters involved in them in the works of S. D. Dovlatov to prove the importance of the image of people drinking.

Sergey Dovlatov gives drunkards positive qualities (inner freedom, talent, contempt for material values). Alcohol “colors” the world in pink tones and helps the heroes to live.

Keywords: axiological aspect, national picture of the world, Russian language, Sergey Dovlatov, alcohol consumption, artistic picture of the world

For citation: Savina M. A. Obraz p'yanytsy v khudozhestvennoy kartine mira S. D. Dovlatova (na fone natsional'noy kartiny mira): aksiologicheskiy aspekt interpretatsii [The image of a drunkard in the artistic picture of the world by Sergey Dovlatov (compared to the the national picture of the world): axiological aspect of interpretation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 17–25 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-17-25>

Введение

Д. С. Лихачев писал о том, что индивидуальная картина мира (КМ) художников слова представляет собой большую ценность: «Особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям» [1, с. 157–156]. Поэтическая КМ понимается нами, вслед за Н. А. Кузьминой, «как поэтическая альтернатива миру действительному, физическому, это образ мира, смоделированный сквозь призму сознания художника как результат его духовной активности» [2, с. 227]. Мы считаем понятие «художественная картина мира» тождественным понятию «поэтическая картина мира».

Материал и методы

Цель статьи – исследование аксиологического контекста, связанного с образом персонажей-пьяниц в произведениях С. Д. Довлатова. Для ее достижения целесообразно осуществить сопоставление национальной (НКМ) и художественной картин мира (ХКМ) с точки зрения оценочной составляющей ментального сценария «Употребление алкоголя». Используются материалы: данные «Русского ассоциативного словаря» (РАС), фразеологических словарей, тексты С. Д. Довлатова. Применялись методы: контекстуальный анализ, сплошная выборка, анализ художественного текста.

Результаты и обсуждение

Лексема «пьяный» в словаре С. И. Ожегова определяется как «возбужденный от вина, одурманенный вином» [3]. Слово «пьяница»: «человек, который пьянствует, алкоголик» [3], «алкоголик», в свою очередь, как «человек, страдающий алкоголизмом» [3]. Для понимания аксиологического контекста слов «пьяный», «пьяница», «алкоголик» и стоящих за ними понятий в русской языковой картине мира мы обратились к «Русскому ассоциативному словарю» [4]. На стимул «пьяный» было получено 105 реакций, на стимул «пьяница» – 104, на стимул «алкоголик» – 103. Эти реакции можно сгруппировать следующим образом:

Атрибуты пьяного человека: бутылка (2), бухло (1), водка (1). **Атрибуты пьяницы:** бутылка (13), с бутылкой (1), водка (4), алкоголь (2), вино (1), губа (1), нос (1), с красным носом (1), зеленка (1). **Атрибуты алкоголика:** бутылка (8), водка (3), вино (2), красный нос (2), нос (2), нос красный (1).

В группе реакций на лексемы «пьяница» и «алкоголик» появляются указания на внешнюю деградацию, связанные с визуальным восприятием (изменения лица). Возрастает количество реакций «бутылка» и «водка».

Среди реакций на лексему «пьяный» можно выделить большую группу номинаций людей, которые легко представляются пьяными: этот факт в каком-то смысле «синтагматически» спровоцирован самим стимулом:

Номинации пьяных людей: мужик (23), мужчина (9), человек (8), муж (2), дядя (2), мужичок (1), товарищ (1), сосед (1), русский (1), компания (1), кто (1).

Номинации пьяницы: муж (2), сосед (2), человек (2), Димон (1), мужик (1), мужчина (1).

Номинации алкоголика: муж (4), человек (2), Вася (1), дядя (1), он (1), отец (1), сосед (1).

Во всех трех подгруппах встречаются слова муж, человек, сосед. Во второй и третьей подгруппах есть имена людей, что свидетельствует об актуальности лексем-стимулов. Кроме того, одной из реакций на «алкоголик» является «имя человека». В третьей подгруппе появляются еще два термина родства: отец, дядя. Обращает на себя внимание отсутствие в этом ряду номинаций лиц женского пола (в целом среди всех реакций на «пьяный» и «пьяница» встречается только одна такая номинация – «нищая»). Отметим, что их совсем нет в реакциях на стимулы «алкоголь» и «алкоголик». Е. Ю. Бульгина и Т. А. Трипольская уже отмечали тот факт, что слово «пьяница» становится словом мужского рода [5].

Оценочные номинации пьяных людей: алкоголик (2), бандит (2), дурак (2), гад (1), черт (1), конь (1), осел (1).

Слово «алкоголик» становится реакцией на «пьяный» только дважды, то есть в рамках наивной картины мира пьяный человек не обязательно является алкоголиком (среди реакций на слово «алкоголик» слово «пьяный» встречается только один раз). Некоторые номинации указывают на потерю пьяным человеческого облика (черт, конь, осел), некоторые на моральную деградацию (гад, бандит). Только одна из реакций (дурак) указывает на недостаток интеллекта. Интересным представляется соотношение ума и пьянства в русской фразеологии: «Пьяный проспится, дурак никогда», «Пьян,

пьян, а об стенку лбом не ударится» [6], демонстрирующее неоднозначное отношение к пьяному/пьющему человеку: пьянство представляется меньшим недостатком, чем глупость, из-за того что «пьяный» является преходящей характеристикой.

Оценочные номинации пьяницы: алкаш (10), алкоголик (6), пропойца (2), бедняга (1), бедолага (1), безбожник (1), бестолочь (1), бомж (1), дряхлый старик (1), друг (1), дурачок (1), идиот (1), нищая (1), разгильдяй (1), свинья (1), угроза обществу (1), хулиган (1).

Оценочные номинации алкоголика: пьяница (7), бомж (5), дурак (2), синяк (2), хроник (2), барыга (1), бедняга (1), бич (1), бухарик (1), любитель выпить (1), мужик (1), не трезвенник (1), не человек (1), нолик (1), хам (1), хронь (1).

Среди людей, которые ассоциируются с пьяницами, мы видим: «бомж», «нищая», «разгильдяй», «угроза обществу», «хулиган». В целом эту группу номинаций можно охарактеризовать как «маргинальные личности». В реакциях на стимул «пьяница» возрастает число лексем, указывающих на потерю умственных способностей (бестолочь, дурачок, идиот). В этой группе обращает на себя внимание присутствие лексем, выражающих сочувствие: «бедняга», «бедолага».

Стимул «алкоголик» вызывает большее число реакций, обозначающих человека в крайней степени отверженности от общества: бомж (5), бич (1). В этой же группе мы видим «не человек» (ничего столь же категоричного в реакциях на другие стимулы нам не встречается). Появляются номинации, содержащие сему «болезнь»: хроник, хронь.

Эмоции, вызванные пьяным: неприятно (1).

Эмоции, которые вызывает пьяница: отвращение (2), кошмар (1), не нужен (1).

Эмоции, которые вызывает алкоголик: ненависть (1).

Если пьяница вызывает комплекс эмоций и возмущение, то алкоголик в РАС может вызывать даже ненависть. Среди реакций есть группа, в которой называются места, в которых можно встретить пьяного или пьющего человека.

Место пьяного: бар (1), вокзал (1), метро (1).

Место пьяницы: метро (1). **Место алкоголика:** наркологический диспансер (1).

Эти реакции можно считать иллюстрациями отрицательного отношения (метро). Снова появляется сема «болезнь»: «наркологический диспансер».

Характеристики пьяного: бедный (1), нездоровый (1), несчастный (1), плохой (1), подлый (1), рьяный (1). **Характеристики пьяницы:** горький (10), глупец (1), жалкий (1), больной (1), грязный (1), заядлый (1), конченный (1), красноносый (1), мокрый (1), небритый (1), неприятный (1), непро-

будный (1), плохой (1), последний (1), пьющий (1), сильный (1), сморщенный (1).

В реакциях проступает как негативное, так и сочувствующее отношение. Эпитет «горький» порождает ассоциации с «горькая судьба» [7].

Характеристики алкоголика: больной (5), безнадежный (3), конченный (3), неизлечимый (3), жалкий (2), зеленый (2), вырожденный (1), забавный (1), законченный (1), закоренелый (1), лечащийся (1), наглый (1), неисправимый (1), несчастный (1), отпетый (1), полный (1), пропитый (1), противный (1), пьяный (1), пьянь (1), родной (1), спившийся (1).

Многие из характеристик содержат семы «неисправимость», «финальность». Количество реакций «больной» (5) еще раз подтверждает, что в НКМ алкоголизм считается болезнью. Несмотря на «ненависть» к алкоголикам, даже здесь мы находим лексемы, в некоторой степени содержащие сочувствие: «жалкий», «несчастный». Ничего похожего на лексему «забавный» не встречается нам в реакциях на другие стимулы. Появление слова «родной», возможно, имеет те же причины, что и появление терминов родства в группе «Номинации алкоголика».

В НКМ есть представления о недопустимости определенной степени опьянения, которая часто характеризуется указанием на невозможность сохранять вертикальное положение:

Степень опьянения (пьяного): в стельку (2), в доску (1), в дупло (1), валяется (2), забор (1), лежит (2), обочина = дорога = где он лежит (1), сапожник (1), свин (1), лужа (1), упал (1).

Отрицательное отношение к чрезмерному опьянению мы находим и в русской фразеологии: «Не быть бы пьяну, не было б и сраму», «Пить до дна – не видать добра» [6].

Как живет пьяница: бесконтрольное состояние (1), по велению судьбы (1), спит (1), пьет (1), тянется (1).

Жизнь пьяницы характеризуется как «бесконтрольное состояние», среди его занятий в НКМ находим «спит» и «пьет». Реакция «по велению судьбы» как будто отбирает у человека право выбора, пристрастие к алкоголю объясняется решением высших сил, а не решением индивидуума. В русской фразеологии есть пословицы, в которых с пьяницы тоже снимается ответственность за все действия: «С пьяного, что с мертвого» [6]. Пьяный человек как будто становится другой личностью, которая не отвечает за свои слова и поступки. Среди реакций есть существительные, которые сложно отнести к какой-либо группе:

Пьяный: дебош (1). **Пьяница:** жизнь (1). **Алкоголик:** болезнь (2), беда (1), болезнь = несчастье (1), грязь (1).

В этой группе «алкоголик» вызывает сочувствие (болезнь, несчастье, беда) и отвращение (грязь). На основе данных РАС и фразеологических словарей мы можем сделать вывод, что в наивной картине мира, с одной стороны, преобладает негативное отношение к пьяным и пьющим людям, с другой стороны, есть тенденция жалеть людей, страдающих алкогольной зависимостью, и оправдывать их поведение «велением горькой судьбы» и отсутствием контроля над ситуацией. Можно предположить, что сочувствие, которое заключено в реакциях «несчастье, беда», направлено не только на человека, страдающего алкогольной зависимостью, но и на его близких.

Перейдем к роли пьющих персонажей в ХКМ С. Д. Довлатова, важность которых уже отмечалась исследователями. Т. А. Марьяничева и Л. О. Чернейко указывают на то, что в ХКМ С. Д. Довлатова алкогольные напитки участвуют в описании характера героев, содержат оценку персонажей, также исследователи отмечают, что в произведениях С. Д. Довлатова «частотным „стандартом“ носителя лучших моральных качеств являются алкоголики» [8]. А. А. Генис характеризует произведение «Заповедник» таким образом: «В „Заповеднике“ Довлатов жалуется, что никто не написал о пользе алкоголя. Но там же Сергей сам и восполнил этот пробел» [9, с. 164]. Про особую роль героев, употребляющих алкоголь, пишет Т. А. Косарева, которая характеризует персонажей-пьяниц С. Д. Довлатова как «ярких запоминающихся личностей», а «благополучных и непьющих» как «бесцветных, предсказуемых и неинтересных» [10]. Отметим, что оценка пьющих персонажей автором не становилась предметом отдельного изучения. Прежде чем приступить к характеристике оценки, мы хотели бы подробнее остановиться на многообразии эпизодов употребления алкоголя героями С. Д. Довлатова. В десяти выбранных нами произведениях мы находим 402 эпизода употребления алкоголя и 188 персонажей, в них участвующих. Данные представлены в виде таблицы, в которой мы объединяем фигуру автора, рассказчика и масок автора (Алиханов из «Компромисса» и «Зоны») в одну сквозную фигуру я-персонажа, опираясь на работу А. А. Воронцовой-Маралиной, которая, говоря о специфике автора в произведениях С. Д. Довлатова, определяет «изображающего субъекта» как «героя-повествователя Сергея Довлатова» [11, с. 112–113; 12]. В произведении «Ремесло» под «Редакцией Нового Американца» мы подразумеваем Баскина, Дроздова, Мокера и я-персонажа (так как не во всех эпизодах уточняется, кто из них принимает участие в застолье). Я-персонаж участвует в употреблении алкоголя 95 раз, занимая «лидирующую позицию» в каждом произве-

дении, кроме «Иностранки» и «Марша одиноких». Почти во всех произведениях, как правило, есть еще один или несколько персонажей, которые тоже неоднократно фигурируют в этих эпизодах (некоторые из них регулярно становятся «сбутыльниками» я-персонажа, но не все). Приведем данные в виде таблицы (во втором столбце указано количество эпизодов употребления алкоголя):

«ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ»	
1. Я-персонаж	11
2. Алкаш	5
3. Сергей Вольф	4
4. Грубин	4
5. Брат	3
«ЗАПОВЕДНИК»	
1. Я-персонаж	12
2. Сорокин Михаил Иванович	6
3. Марков	5
4. Стасик Потоцкий	3
«ЗОНА»	
1. Я-персонаж	7
2. Солдаты	7
3. Фидель	6
«ИНОСТРАНКА»	
1. Рафа	6
2. Караваев	2
«КОМПРОМИСС»	
1. Я-персонаж	16
2. Жбанков	9
3. Буш	8
«НАШИ»	
1. Я-персонаж	12
2. Брат	7
3. Дед	5
4. Отец	3
«РЕМЕСЛО»	
2. Я-персонаж	11
2. Редакция Нового Американца	7
«ФИЛИАЛ»	
1. Я-персонаж	13
2. Панаев	2
3. Литвинский	2
4. Шагин	2
«ЧЕМОДАН»	
1. Я-персонаж	11
2. Виктор Цыпин	4
3. Осип Лихачев	4
4. Шлиппенбах	3

Герои, располагающиеся на втором – третьем местах, являются, как правило, теми самыми «яркими персонажами», играющими важную роль в произведениях, о которых писала Т. А. Косарева [10]. Большинство персонажей (142 из 188) участвуют в употреблении алкоголя по одному разу (в «Марше одиноких» такими являются все персонажи, по этой причине мы не включаем это произведение в таблицу). Многие персонажи появляются в тексте только однажды и при этом описываются при помощи какой-нибудь смешной истории, связанной с алкоголем:

Светлов заказывал. <...> – Ну, что, друзья, пропьём ландшафт? («Записные книжки»).

Возникает ощущение, что характеристика персонажей при помощи описания их отношения к алкоголю используется так часто из-за того, что она является очень емкой (едва ли не исчерпывающей), в каком-то смысле «экономящей» усилия автора. Приведем пример: «он выглядит сонным, даже когда бегаёт за пивом» («Зона»). Относительное безразличие к алкоголю (как к лучшей части жизни) является деталью, которая показывает безразличие к жизни в целом. Многие известные личности, оказывающиеся на страницах произведений С. Д. Довлатова, появляются в них во время застолья (Громыко, Юрий Олеша, Ежи Ружевиц, Хрущев). Кажется, что именно эта обстановка способна приблизить знаменитого человека к автору и читателю, сделать его понятнее.

Общей чертой НКМ и ХКМ С. Д. Довлатова можно считать сочувствующее отношение к пьяницам (но если в НКМ пьянство это несчастье, то в ХКМ С. Д. Довлатова это не так), представление о некоей «судьбе», из-за которой человек пьет, и о невозможности контролировать постоянную тягу к алкоголю. При этом в произведениях есть персонажи, которые являются носителями негативной оценки (которую мы видели и в НКМ). Рассмотрим отдельно элементы сходства. Реакции в РАС характеризуют пристрастие пьющего человека к алкоголю как «бесконтрольное состояние». Этот элемент НКМ в тексте «Заповедника» превращается в развернутую метафору: неспособность я-персонажа остановиться, если он начинает пить, которая описывается при помощи сравнения с машиной без тормозов:

Самосвал без тормозов... <...> Мотор хороший, да тормоза подводят... <...> Останавливаюсь я только в кювете... («Заповедник»).

Общей чертой НКМ («по велению судьбы») и ХКМ С. Д. Довлатова также можно считать «фаталистическое» отношение к пьющему человеку. В текстах Довлатова склонность к алкоголю похожа на хроническое заболевание и на рок, судьбу одновременно. Пристрастие брата я-персонажа к алкоголю описывается как что-то фатальное, что

можно победить только силами внешними, что сам человек преодолеть не в состоянии:

Он снова начал пить... Я думаю, он мог жить только в неволе («Наши»).

Брат я-персонажа не может остановиться, пока не пропьёт все деньги:

Мы пили, когда не было денег. **Глупо не пить** теперь, когда они есть... («Чемодан»).

Интересно само выражение «глупо не пить». Похожий контекст нам встречается в тексте «Зонь»:

Вообще **не пить – это слишком.** Это, как говорится, **антимарксистская утопия** («Зона»).

В этом фрагменте военнотрудовой объясняет надзирателю, что в Новый год он не требует полного отказа от употребления алкоголя, называя его «антимарксистской утопией». Здесь видна «неральность» отказа от алкоголя (утопия), «крайность» этой меры (слишком) и ее чужеродность (антимарксистская).

В более скрытом виде мы находим у С. Д. Довлатова и то жалостливо-сочувствующее отношение к пьяницам, которое мы уже встречали в наивной картине мира. Например, так видит я-персонаж сцену выпрашивания денег на алкоголь у соседа: «Трудно лгать Михал Иванычу, ослаб» («Заповедник»). Здесь удивителен выбор слова «лгать» (не просто «врать», которое, кажется, больше бы подошло в этом контексте). Лексема «ослаб» явно выражает сочувствие по отношению к тому, кого она характеризует. Кажется, что это сочувствие вызвано пониманием тяжелого физического (и морального) состояния Михал Иваныча, а не мыслью о том, что пьянство – это несчастье для самого пьющего человека и для его близких (как мы видели в НКМ). Сама по себе авторская сдержанность в характеристике пьющих людей может служить доказательством конструирования сочувствующего отношения. Приведем пример описания алкоголика С. Д. Довлатовым из воспоминаний Е. Г. Скульской: «эдакий разбухший микроб, сизый, полная гадость» [13]. Подобного описания мы не найдем в произведениях.

В роли носителей негативной оценки людей, страдающих от любви к алкоголю, выступают такие персонажи, как жена Жбанкова из «Компромисса», соседи Михал Иваныча и жена Маркова из «Заповедника», но они не входят в круг героев, которым симпатизирует я-персонаж. Отрицательное отношение к пьяницам иронически переосмысливается в «Чемодане»: в роли «порицателя» выступает человек, тоже имеющий проблемы с алкоголем:

– Пропили Россию, гады! <...> – Мне больную с подогревом («Чемодан»).

Такие носители осуждения обесценивают негативное отношение.

Среди реакций на «пьяный» и «пьяница» мы видели множество лексем, указывающих на горизонтальное положение человека. В ХКМ С. Д. Довлатова алкоголики не лежат, они постоянно в движении и часто «двигают» повествование. То, как Михал Иваныч в произведении «Заповедник» лежит, описывается только один раз (и в этот момент он «парадоксально» трезв):

Трезвым я его видел дважды. В эти **парадоксальные** дни Михал Иваныч запускал одновременно радио и телевизор. **Ложился** в брюках <...> («Заповедник»).

Движение пьяниц (Михал Иваныча и его друга) может описываться как «движение вопреки»:

Друзья направились в микрорайон, жизнелюбимые, отталкивающие и воинственные, как сорняки... («Заповедник»).

Г. А. Доброзракова считает, что эпитет «сорняки» в этом случае выражает отрицательную оценку [14, с. 42–43].

В аксиологической системе многих персонажей порок питья входит в систему пороков «допустимых» и не таких уж вредных для общества: «Ведь не крал же я, **только пью...**» («Зона»).

Употребление алкоголя не только допустимо, но и является показателем свободы: «**Выпил** – и целый день **свободен...**» («Компромисс»).

При этом «свобода» пьяного человека зачастую оказывается связана с игнорированием коммунистического строя:

Он **был пьян и небрит**. <...> – **Советская власть не заслужила, чтобы я брился!** («Записные книжки»); Но **Буш** к этому времени совершенно **опьянел**. <...> – **Свободен не тот, кто борется против режима**. И не тот, кто побеждает страх. А тот, **кто его не ведает** («Компромисс»); Кажется, это было 60-летие Октябрьской революции. <...> – **Не пить – это и будет слишком много чести** («Записные книжки»).

Кажется, что именно пьющие люди обладают правом «не замечать» советский режим. У Михал Иваныча («Заповедник») это игнорирование распространяется не только на советскую власть, но и на мир вообще. На наш взгляд, этот тип отношения к существующему строю (непритворное игнорирование) роднит образ пьющих персонажей с образом И. А. Бродского. Подобно тому, как герои-пьяницы «уходят» в пьянство, И. А. Бродский уходит в «монастырь собственного духа»: «Он не боролся с режимом. Он его не замечал» («Ремесло»). Алкоголь для «игнорирующих» персонажей является одним из элементов внутренней свободы. Пьющий человек обычно творчески одарен:

Пишущие мало зарабатывают. <...> **Больше пьют** («Ремесло»).

Талантливые пьяницы часто появляются в произведениях С. Д. Довлатова: Лихачев и Цыпин, камнерезы, «оба были мастерами своего дела, и, **разумеется**, горькими пьяницами» («Чемодан»). В этом «разумеется» мы видим связующую нить между талантом и алкоголизмом. Связь литературного творчества и алкоголя может выражаться эксплицитно, как в следующей известной цитате: «**вечный спутник российского литератора – алкоголь**» («Ремесло»). В следующем примере эта связь «спрятана» в текст. Тот факт, что алкоголь появляется в редакции задолго до технически необходимых для создания журнала предметов, говорит, как нам кажется, о наделии алкоголя некой «творчествообразующей» функцией:

Выпивали, сидя на полу, порожние **бутылки** ставили в угол. **Они появились в нашей редакции задолго до электрической лампы, телефона, календаря и наборной машины** («Ремесло»).

В ХКМ С. Д. Довлатова у пьющих персонажей появляются такие качества, как благородство, аристократизм и интеллигентность. Ничего похожего в НКМ нам не встречается. Михал Иваныч («Заповедник»), пьющий «до беспамятства», характеризуется как человек «внутренне интеллигентный», «аристократичный»:

Действительно, было в Михал Иваныче что-то **аристократическое**. Пустые бутылки он не сдавал, выбрасывал («Заповедник»).

Отметим, что в ХКМ С. Д. Довлатова чрезмерная степень опьянения («до изумления»), которая осуждается в НКМ, не является предметом порицания. В словаре С. И. Ожегова «аристократизм» определяется как «внешняя изысканность, утонченность поведения» [3]. В текстах С. Д. Довлатова, как нам кажется, это слово имеет другое значение: «презрение к материальным ценностям, некорыстолюбие», поэтому Михал Иваныч не сдает пустые бутылки. Его действия оправдываются я-персонажем даже в тех случаях, когда они приближаются к нарушению Уголовного кодекса:

– Добрый, – соглашался Никитин, – **жену чуть не зарезал**. Все платья ейные **спалил**. **Ребятишки в кедях бегают зимой...** А так он добрый...

– Миша – человек **безрассудный**, я понимаю, но **добрый и внутренне интеллигентный**.

Я-персонаж объясняет поступок Михал Иваныча «безрассудством» (в реакциях РАС мы видели «бесконтрольность»). Марков (фотограф из «Заповедника») тоже наделяется аристократизмом, когда не поднимает упавшие на пол деньги в ресторане («Заповедник»). В фигурах Маркова и Михал Иваныча мы видим два типа алкоголика, одному деньги достаются легко, а второй их не имеет, но оба игнорируют их ценность. Удивительно то, что даже Михал Иваныч становится объектом зависти:

«В деревне Михал Ивановича не любили, завидовали ему» («Заповедник»). Эту свободу от материальных ценностей мы находим и в «Иностранке». Человек пьющий ведет себя «лучше всех» по отношению к другим людям, как, например, Баранов, который предлагает Марусе деньги из своей зарплаты просто так, даже пытаясь ее убедить, что так будет лучше для него: «пить буду меньше» («Иностранка»).

В произведениях С. Д. Довлатова алкоголь и пьющий человек являются частью концепта «правда» в дихотомии «правда – ложь», «настоящий – бутафорский», «человеческий – мистический». В начале «Компромисса» автор помещает рассуждение о «газетном вранье», приведем фрагмент:

А за пышными театральными декорациями увидеть кирпичную стену, веревки, огнетушитель и хмельных работяг («Компромисс»).

Можно сказать, что «хмельные работяги» являются неотъемлемой частью «настоящей» жизни, не вписываясь в лживый контекст театральных декораций. Описание «искусственного, кукольного, бутафорского» Таллина завершается таким образом: «В Эстонии можно увидеть **такелажников, пьющих шерри-бренди из крошечных рюмок...**» («Ремесло»). Для автора такелажники, занимающиеся тяжелым физическим трудом, пьющие из крошечных рюмок, – это что-то искусственное, ненастоящее, лживое. Алкоголь в ХКМ С. Д. Довлатова может выступать в роли «очеловечивателя» мистических существ:

Превратили в одушевленный символ. <...> Временами Гагарин **становился человеком**. И **тогда он сильно запивал** <...> На родине государством управляли **мистические существа**. <...> я был изумлен, узнав, что **Ленину нравилось холодное пиво**. В этом заурядном факте **проглядывало нечто человеческое...** («Марш одиноких»).

Пристрастие к алкоголю делает персонажа понятнее и ближе главному герою, выражается ли оно в любви к холодному пиву или в запое.

Нам хотелось бы отдельно остановиться на том, как описывается действие алкоголя на пьющего человека и на окружающий его мир.

Я с удовольствием ощущал, как надвигается **пьяный дурман**. **Контуры** жизни становились **менее отчетливыми и резкими...** («Компромисс»).

Здесь характеризуется самое начало опьянения, когда человек под воздействием алкоголя начинает видеть предметы в несколько размытом виде. В ХКМ С. Д. Довлатова не просто предметы вокруг человека, но и сама жизнь становится менее отчетливой и резкой, более приемлемой.

Портвейн распространялся **доброй** вестью, окрашивая мир **тонами нежности и снисхождения** («Заповедник»).

Появление ощущения тепла в теле называется «доброй вестью», которая распространяется на окружающий выпивающего человека мир. Кажется, что мир «смягчается» именно по отношению к я-персонажу и нежность и снисхождение мира направлены именно на него. В следующей цитате мы видим ту же самую модель «смягчения» мира, но на уровне аудиального восприятия: «крики», сливаясь в один гул, причем «мерный», тоже теряют резкость и четкость, как до этого их теряли резкие контуры жизни:

Я начал **пьянеть**. <...> **Крики сливались в мерный нарастающий гул** («Заповедник»).

Следствием этого «смягчения мира», на наш взгляд, является обретение «гармонии» с этим миром и возможность «примирения».

Алкоголь на время **примирял меня с действительностью** («Ремесло»); Видно, **гармония таилась на дне бутылки...** («Заповедник»). А **вернулся к моим бутылкам**. В любой из них **таились чудеса...** («Заповедник»).

Процесс употребления алкоголя описывается как что-то «чудесное», что-то преобразовывающее и приукрашивающее мир (который в реальности невыносим). Алкоголь помогает справиться с жизнью:

Все, кто думает, несчастные... <...> – **Не думать. Водку пить** («Компромисс»).

Алкоголь в произведениях С. Д. Довлатова помогает думающему человеку уйти от трагичности бытия. Один из возможных ответов на вопрос, почему пьют герои Довлатова, можно найти в статье П. Л. Вайля «Без Довлатова»: «Сергей сказал мне как-то, что с питьем – то же самое: надо удивляться, почему человек не пьет, настолько это ни с чем не сравнимое ощущение» [15].

Заключение

Таким образом, общими качествами ХКМ С. Д. Довлатова и НКМ можно считать сочувствующее и фаталистическое отношение к пьющим людям. При этом в НКМ жалеют пьяниц из-за того, что чрезмерная любовь к алкоголю считается несчастьем, а в произведениях С. Д. Довлатова сочувствие вызывает тяжелое психологическое и физическое самочувствие персонажей, страдающих алкогольной зависимостью. В НКМ преобладает негативное отношение к людям, злоупотребляющим алкоголем. Аксиологический контекст вокруг пьющих персонажей в произведениях С. Д. Довлатова в некоторой степени сформирован «в противовес» тому отрицательному отношению, которое существует в НКМ. С. Д. Довлатов наделяет их такими положительными качествами, как внутренняя свобода, талант, благородство, правдивость. Пьющие персонажи у С. Д. Довлатова

оказываются более творчески одаренными, чем непьющие, они не обращают внимания на материальные ценности, они бескорыстно предлагают помощь другим людям и вызывают зависть (даже когда находятся в глубоком запое). Алкоголь в ХКМ С. Д. Довлатова оказывается связан с та-

ким понятием, как «настоящее». Он делает знаменитых людей понятнее, «очеловечивает» даже «мистических существ», «окрашивает мир» в розовые тона, является средством достижения примирения и гармонии с действительностью, помогает жить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Освобождение от догм: история русской литературы: состояние и пути изучения. М.: РАН, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. 1997. Т. 1. С. 147–165.
2. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 268 с.
3. Словарь русского языка С. И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 08.01.2023).
4. Караулов Ю. Е. Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 08.01.2023).
5. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Гендерно маркированная лексика: лексикографическая традиция и динамические процессы в современном языке // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 186–200.
6. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М.: АН СССР, 1961. 229 с.
7. Савина М. А. Семантическое поле «употребление алкоголя» в русском языке (в сопоставлении с итальянским языком) // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 364–384.
8. Марьяничева Т. А., Чернейко Л. О. Функции «алкогольной» лексики в текстах Сергея Довлатова // Вестник Удмуртского университета. 2013. № 4. С. 122–127.
9. Генис А. А. Довлатов и окрестности. М.: АСТ: Corpus, 2016. 304 с.
10. Косарева Т. А. «Вечный спутник российского литератора...». Алкогольная тема в произведениях Сергея Довлатова // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь: ТГУ, 2002. С. 110–118.
11. Воронцова-Маралина А. А. Авторская концепция личности как циклообразующий фактор в прозе Сергея Довлатова // Вестник РГГУ. 2007. № 7. С. 106–114.
12. Воронцова-Маралина А. А. Циклизация как способ создания целостных художественных структур в философско-юмористической прозе Сергея Довлатова // Язык христианской традиции и современная культура. 2017. С. 191–202.
13. Скульская Е. Г. Взгляд из Таллина // Три города Сергея Довлатова. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. С. 85–160.
14. Доброзракова Г. А. Поэтика Довлатова. СПб.: Алетейя, 2019. 406 с.
15. Вайль П. Л. Без Довлатова // Звезда. 1994. № 3. URL: <http://www.sergeidovlatov.com/books/vail.html> (дата обращения: 08.01.2023).

References

1. Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka [The concept sphere of the Russian language]. *Osvobozhdeniye ot dogm: istoriya russkoy literatury: sostoyaniye i puti izucheniya* [Liberation from dogmas: the History of Russian Literature: the state and ways of studying]. Moscow, RAS, Institute of World Literature Publ., 1997. Vol. 1. Pp. 147–165 (in Russian).
2. Kuz'mina N. A. *Intertekst i yego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and its role in the processes of poetic language evolution]. Yekaterinburg, Ural University Publ., Omsk, Omsk State University Publ., 1999. 268 p (in Russian).
3. *Slovar' russkogo yazyka S. I. Ozhegova* [Dictionary of the Russian language by S. I. Ozhegov] (in Russian). URL: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed 8 January 2023).
4. Karaulov E. Yu. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary] (in Russian). URL: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed 8 January 2023).
5. Bulygina E. Yu., Tripol'skaya T. A. Genderno markirovannaya leksika: leksikograficheskaya traditsiya i dinamicheskiye protsessy v sovremennom yazyke [Gender-specific vocabulary: lexicographic tradition and dynamic processes in modern Russian language]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 186–200 (in Russian).
6. Rybnikova M. A. *Russkiye posloviцы i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 229 p. (in Russian).
7. Savina M. A. Semanticheskoye pole “upotrebleniye alkogolya” v russkom yazyke (v sopostavlenii s ital'yanskim yazykom) [Semantic field “alcohol use” in Russian (in comparison with Italian)]. *Kritika i semiotika – Critique and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 364–384 (in Russian).
8. Maryanicheva T. A., Cherneyko L. O. Funktsii “alkogol'noy” leksiki v tekstakh Sergeya Dovlatova [Functions of “alcoholic” vocabulary in the texts of Sergei Dovlatov]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of the Udmurt University*, 2013, no. 4, pp. 122–127 (in Russian).
9. Genis A. A. *Dovlatov i okrestnosti* [Dovlatov and the surrounding area]. Moscow, AST, Corpus Publ., 2016. 304 p. (in Russian).

10. Kosareva T. A. “Vechnyy sputnik rossiyskogo literatora...”. Alkogol’naya tema v proizvedeniyakh Sergeya Dovlatova [“The eternal companion of the Russian writer...”. Alcoholic theme in the works of Sergei Dovlatov]. *Literaturnyy tekst: problemy i metody issledovaniya* [Literary text: problems and research methods]. Tver, TSU Publ., 2002. Pp. 110–118 (in Russian).
11. Vorontsova-Maralina A. A. Avtorskaya kontseptsiya lichnosti kak tsikloobrazuyushchiy faktor v proze Sergeya Dovlatova [The author’s concept of personality as a cycle-forming factor in the prose of Sergei Dovlatov]. *Vestnik RGGU – RSUH/RGGU Bulletin*, 2007, no. 7, pp. 106–114 (in Russian).
12. Vorontsova-Maralina A. A. Tsiklizatsiya kak sposob sozdaniya tselostnykh khudozhestvennykh struktur v filosofsko-yumoristicheskoy proze Sergeya Dovlatova [Cyclization as a way of creating Integral Artistic structures in the Philosophical and Humorous Prose of Sergei Dovlatov]. *Yazyk khristianskoy traditsii i sovremennaya kul’tura* [The Language of Christian Tradition and Modern Culture]. 2017. Pp. 191–202 (in Russian).
13. Skul’skaya E. G. Vzgl’yad iz Tallina [View from Tallinn]. *Tri goroda Sergeya Dovaltova* [Three cities of Sergei Dovlatov]. Moscow, Al’pina non-fikshn Publ., 2021. Pp. 85–160 (in Russian).
14. Dobrozrakova G. A. *Poetika Dovlatova* [The poetic of Dovlatov]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2019. 406 p. (in Russian).
15. Vayl’ P. L. Bez Dovlatova [Without Dovlatov]. *Zvezda*, 1994, no. 3 (in Russian). URL: <http://www.sergeidovlatov.com/books/vail.html> (accessed 8 January 2023).

Информация об авторе

Савина М. А., аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, Россия, 630126).

Information about the author

Savina M. A., **postgraduate student**, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Viluyskaya, 28, Novosibirsk, Russian Federation, 630126).

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 12.01.2023; accepted for publication 25.05.2023